

Пекка Кауппала
Марина Витухновская

Финляндия и Российская Карелия накануне революции: две социально-экономические модели развития

«До каких же пор Олонецкая губерния будет производить почти исключительно одни дрова?» — на этот вопрос, заданный разгневанным Олонецким губернатором М. И. Зубовским на сессии губернского земства в 1915 г., присутствующие не знали ответа¹. В нем сконцентрировалась главная экономическая проблема Российской Карелии и, более того, всего Севера Европейской России накануне революции. В тени расцветающего соседа — Финляндии, которая тоже входила в состав Российской империи, территория, заселенная карелами, испытывала огромные трудности с модернизацией.

Все возраставший разрыв в экономике обоих регионов тем более интересен, что их природно-географические условия были почти идентичны². Это обстоятельство не осталось незамеченным современниками. В одном из земских трудов, например, отмечалось: «Невольно является вопрос — в чем же кроется причина такого печального положения народного хозяйства в Олонецкой губернии? Вопрос, так сказать тем более законный, что соседка ее Финляндия, в отношении естественных условий представляющая почти полное тождество с Олонецкой губернией, стоит неизмеримо выше ее в хозяйственном и вообще культурном отношении»³.

¹ Цитата и описание из: Балагуров Я. А. Фабрично-заводские рабочие дореволюционной Карелии, 1861—1917. Петрозаводск, 1968. С. 41. К сожалению, Я. А. Балагуров не указывает источника этой цитаты, однако его работа полностью заслуживает научного доверия.

² Сравнительный анализ природных условий Российской Карелии и Финляндии дан в статье: Linkola K. Kasvisto ja kasvullisuus Itä-Karjalassa // Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. Suomalaisten luonnon- ja kielen tutkimusten kuvaamista. Toim. H. M. Theodor. Helsinki, 1918. S. 120—127.

³ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. СПб., 1910. С. 424. В целом экономико-политическая ситуация в Финляндии и Российской Карелии сравнивается в следующих работах: Жербин А. С. О развитии промышленности в Финляндии и Карелии в XIX в. // Россия и Финляндия: торговля, промыслы, крупная промышленность. Материалы V советско-финляндского симпозиума по социально-экономической истории 9—11 октября 1978 г. Л., 1981. С. 115—117; Беломорский край и Финляндия // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера (далее — ИАОИРС). 1910. № 3. С. 1—6; Кузнецкий С. Финляндия. Ее население и

Авторы этой статьи ставят перед собой задачу найти ответ на неоднократно задаваемый земскими деятелями вопрос: почему при наличии тех же природных и климатических предпосылок, того же набора сырьевых источников Финляндия энергично модернизировала свои социально-экономические структуры, а Российская Карелия испытывала на этом пути непреодолимые трудности? Наконец, обладала ли предреволюционная Карелия необходимыми резервами для сокращения того огромного отставания в развитии, которое сложилось к 1917 г.?

В нашем исследовании мы будем опираться на классический труд Дитера Сенгхааза (Dieter Senghaas) о Финляндии XIX и XX вв., давшего наиболее глубокий анализ «финляндского чуда»¹. Сенгхааз характеризовал финляндский путь в XIX и XX вв. как наиболее яркий пример «скандинавского пути развития», предполагающего сопротивление тенденции к периферизации. По мнению Сенгхааза, в тогдашней Европе именно Скандинавские страны сумели решить проблемы «догоняющего развития» особенно убедительно, с соблюдением социального равенства, и при этом избежать участи стран третьего мира. Ядром финляндского «экономического чуда» Сенгхааз считал удачное соединение лесного и сельского хозяйства – в Финляндии лесное хозяйство было источником доходов крестьян, давая тем самым стартовый капитал для модернизации сельского хозяйства, которое, в свою очередь, стимулировало модернизацию в других областях экономики.

Одной из предпосылок модернизации экономики Финляндии стал широкомасштабный экспорт леса, что дало возможность массированно ввозить в Великое княжество капиталы и пускать их

культура в цифрах (Краткий статистико-экономический очерк сравнительно со Швецией и Русским Севером) // ИАОИРС. 1911. № 17. С. 398–409; № 21. С. 731–740; № 23. С. 865–876; Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 77–384; Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края; Архангельская Карелия. Архангельск, 1908; Олонецкая губерния. Статистический справочник. Петрозаводск, 1913. См. также: Kauppala P. Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung und Schicksal eines sozialistischen Regionalexperiments. (Diss.). Freiburg, 1992: <http://www.freidok.uni-freiburg.de/volltexte/6678/>; Кауппала П. Формирование и расцвет автономной Советской Карелии, 1918–1929 гг. Забытый успех раннесоветской национальной политики // Ab Imperio. 2002. № 2. С. 308–337; Витухновская М. Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 54–107; Kauppala P., Vituchnovskaja M. Ost-Karelien am Vorabend der Großen Russischen Revolution. Immobiler Staatsmonopolismus und innere Einmauerung // Aufbruch der Gesellschaft im verordneten Staat. Hrsg. Naumann H., Plaggenborg S. Frankfurt am Main u. a., 1994. S. 42–70.

¹ Senghaas D. Von Europa lernen. Entwicklungsgeschichtliche Betrachtungen. Frankfurt am Main, 1982. S. 113–146.

в оборот. В Финляндии развивалась сеть дорог (включая железнодорожную), умножилось число банков (первый банк здесь был открыт в 1862 г.), была введена собственная валюта (в 1865 г.) и осуществлен переход к золотому денежному обращению (в 1879 г.)¹. И все же нельзя не напомнить, что этот резкий экономический рывок был бы попросту невозможен, если бы финский крестьянин не владел большими лесными угодьями, правом распоряжаться ими и продавать лес в любых желаемых объемах — но и с соответствующими обязательствами. Таких возможностей крестьяне, проживавшие в Российской Карелии, были лишены.

История

Регион проживания карел был впервые решительно поделен границей на две части в 1323 г. в результате Ореховецкого мирного договора, заключенного между Швецией и Новгородом. Территории к востоку от границы, ставшие ядром Российской Карелии, на протяжении последующих шестисот лет находились под властью сначала Новгорода, затем Московского государства, а позже — Российской империи. К западу от границы шведские короли напористо обращали язычников-финнов в католическую веру, а после Реформации здесь распространился протестантизм. На востоке православие продвигалось все дальше на север. При этом православное миссионерство действовало более мягко по сравнению с католическим и тем самым позволило сохраниться традиционным проявлениям карельского язычества.

Основные экономические структуры Российской Карелии до XVIII в. были в целом аналогичны финско-шведским, и лишь после шведской земельной реформы, так называемого Большого передела (*isojako*, по-шведски *storskifte*), между обеими территориями стали возникать и углубляться различия. Эта реформа, начавшаяся с закона 1757 г., имела своей целью замену традиционной чересполосицы компактными поселениями хуторского типа, которые включали в себя как земельные наделы в виде полей и лугов, так и лесные площади. Каждый отдельный крестьянин получил право требовать проведения реформы в своей общине, благодаря чему реформирование осуществлялось быстро. После создания хутора крестьянин, как правило, строил дом посреди своего земельного владения. Эта новая структура

¹ См. об этом, например: Suomen talous- ja sosiaalhistorian kehityslinja. Toim. Jutikkala Eino. Porvoo; Helsinki, 1968. S. 211.

поселений оказалась в северных природных условиях крайне эффективной¹.

В 1808–1809 гг., ко времени завершения этого проекта, Финляндия была завоевана Россией и включена как автономное Великое княжество в состав Российской империи. Однако Финляндия и Российская Карелия были по-прежнему разделены политической и таможенной границей. Как ни странно, именно в тот период, когда они принадлежали к одному государству, их экономики развивались весьма различно. Российская Карелия стагнировала, в то время как Финляндия начала выходить из бедности. Эти разнонаправленные процессы продолжались и после 1917 г.: в Российской Карелии после короткой передышки НЭПа, а в Финляндии модернизация экономики не прекращается и в наши дни. Приведем лишь некоторые цифры: в 1897 г. плотность населения в Российской Карелии составляла 1,4 жителя на кв. км, что было в шесть раз меньше, чем в Финляндии с ее плотностью населения 8,2 жителя на кв. км. Кроме того, в Российской Карелии 80 % населения было неграмотным, что свидетельствовало об ее огромном культурном отставании по сравнению с Финляндией, где всего лишь 2 % взрослых не умели читать и писать². Однако наиболее красноречивые факты дает сопоставление экономической ситуации в Российской Карелии и Финляндии.

В этой статье под Российской Карелией (в Финляндии этот регион называется также и Восточной Карелией) мы понимаем территорию, которая в царское время не была официально определена. Она соответствует территории КАССР в границах 1923 г. и в значительной мере совпадает с карельскими районами, располагавшимися к востоку от границы с Финляндией. К карельским территориям примыкали некоторые чисто русские районы, которые также являлись частью КАССР³. Так, очерченная нами территория Российской Карелии имеет довольно четкую культурно-географическую восточную границу. К востоку от нее открываются обширные, до сих пор совершенно не обжитые, почти не имеющие дорог, заболоченные и лесные терри-

¹ О роли Большого передела в экономике Финляндии см., например: *Haataja K. Maanjaot ja talojärjestelmä*. Helsinki, 1949. S. 53–91; *Kauppalä P. The Russian North. The Rise, Evolution and Current Condition of State Settlement Policy*. Helsinki, 1998.

² *Покровская И. П.* Население дореволюционной Карелии по результатам переписи 1897 г. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1974. С. 91–118; *Tietosanakirja. Osa 9. Toim. Castrén Jalmar*. Helsinki, 1917. S. 1208–1210. В 1910 г. неграмотность в Финляндии составляла лишь 1,1 %.

³ Речь идет о Пудожском уезде, а также о Беломорском побережье. Смешанных районов было мало, и почти исключительно в Петрозаводском уезде. Правда, при определении границы Карельской Трудовой Коммуны (КТК), основанной в июне 1920 г., еще более четко соблюдали этнический принцип.

тории. В административном отношении территория Российской Карелии накануне революции состояла из уездов Олонецкой (Олонецкий, Петрозаводский, Пудожский, Повенецкий) и Архангельской (Кемский) губерний.

Экономика¹

Оба региона — и Российская Карелия, и Финляндия — были богаты лесом², однако форма собственности на лесные угодья была разной. В Российской Карелии преобладало государственное крестьянство при почти полном отсутствии помещиков. В результате крестьянской реформы 1861 г. крестьяне в правовом отношении стали свободными, однако при этом они получили мало лесной площади в общинную собственность. Поэтому на Европейском Севере России государство фактически оказалось монопольным собственником на лес. А так как лес представлял собой экономическое богатство региона и, как правило, именно в лесной зоне располагались полезные ископаемые, экономика Севера имела сильный государственный характер, который с развитием производительных сил обнаруживал тенденцию к усилению³.

¹ Авторы считают своим приятным долгом выразить горячую благодарность Н. А. Корблеву за многочисленные и компетентные консультации по экономике Карелии, а также за написанные им главы коллективных монографий, оказавшие большую помощь в нашей работе: «История Карелии с древнейших времен до наших дней» (Петрозаводск, 2001), «История экономики Карелии. Кн. I. Экономика Карелии со времени вхождения края в состав единого русского государства до Февральской революции, конец XV — начало XX веков» (В. Г. Баданов, Н. А. Корблев, А. Ю. Жуков. Петрозаводск, 2005).

² В Финляндии площадь лесов в 1912 г. составляла 45,6 % от всей площади Велико-го княжества. В Российской Карелии лесистость была выше — около 80 % (Фаас В. В. Леса и лесная торговля Финляндии. Отчет по командировке 1912 г. СПб., 1914. С. 5; *Он же*. Леса Северного района и их эксплуатация. Труды Северной научно-промысловой экспедиции ВСНХ. Вып. 15. Москва; Петроград, 1922. С. 5—6). В других источниках можно встретить несколько иные цифры. Например, в одной из статей лесистость Олонецкой губернии определяется в 70 % (см.: Д-ко А. К вопросу о колонизации севера // Вестник Олонецкого губернского земства (далее — ВОГЗ). 1916. № 20. С. 6), а в другой работе тот же показатель приближается к 78 % (см.: Кищенко И. Значение лесоохранительного закона для Олонецкой губернии // ВОГЗ. 1913. № 1. С. 6). По сведениям последнего автора, Олонецкая губерния по лесистости занимала второе место в Европе.

³ Некоторые севернорусские интеллектуалы понимали, что наиболее типичный для Российской Карелии характер собственности являлся ядром «северного вопроса». Этот вопрос в начале нашего столетия оживленно обсуждался, особенно на страницах серьезного журнала «Известия Архангельского общества изучения Русского Севера». См.: Журавский А. В. Европейский Север. К вопросу о прошлом и грядущем его быта. Архангельск, 1911; *Он же*. Приполярная Россия в связи с разрешением общегосударственного аграрного и финансового кризиса. Архангельск, 1908. Сравните также: Норман А. И. Почему необходимо заселение Архангельской губернии. СПб., 1909.

Эта тенденция особенно ярко была выражена в карельских регионах. В 1914 г. в государственном владении здесь было 61 850 кв. км лесной площади, что составляло 82,1 % от всей площади лесов. Наивысшим был этот показатель в Кемском уезде — 99,6 %. Он превышал даже средний показатель по Архангельской губернии — 95,8 %. В карельских уездах Олонецкой губернии было в среднем 77,8 % государственных лесов, причем доля государства повсюду составляла больше половины лесной площади¹.

Как свидетельствуют многочисленные источники, государству удивительно хорошо удавалось охранять свои леса от нелегального использования. В Кемском уезде в результате решительного запрета 1850 г. было практически ликвидировано подсечное хозяйство, которое до этого существовало нелегально благодаря толерантности местной власти². В Олонецкой губернии государственные леса также оберегались от беспощадных хищнических рубок лучше, чем леса крестьянских общин или частные леса, состояние которых, по свидетельствам современников, было особенно плохим. Их владельцами были в первую очередь дворяне, как правило обедневшие и деморализованные³. Они безоглядно организовывали сплошные рубки на самых благоприятных в транспортном отношении площадях и совершенно не заботились о лесовосстановлении⁴. Такая картина имела место в Вытегре и Лодейном Поле (не включаемых нами в регион «Российская Карелия»), а также, очевидно, и в немногих частных лесах Петрозаводского уезда⁵. Состояние дворянских лесов показывает, что

¹ Гораздо ниже был процент государственных лесов в таких населенных русскими уездах Олонецкой губернии, как Лодейнопольский и Вытегорский. Здесь существовали крупные дворянские вотчины, и объем государственных лесов составлял явно меньше половины общей лесной площади. Из 156 кв. км негосударственных лесов Кемского уезда 84,86 % были общинными, 0,03 % — частными и 15,11 % — прочими, как правило, церковными. См.: *Фаас В. В.* Леса Северного района и их эксплуатация. С. 175.

² Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 225, 210; Толкование закона о том, что вся земля, которая не принадлежит дворянству, является государственной собственностью, было дано в 1865 г.

³ Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1907 год. Петрозаводск, 1907. В соответствии с этим источником (с. 249) потомственные дворяне имелись главным образом лишь в Вытегорском и Лодейнопольском уездах. Богатые помещики не жили в своих имениях и не могли дать новых импульсов сельской экономике, которая без единого исключения базировалась на примитивном зерновом хозяйстве. Высокие доходы получались лишь за счет продажи леса. Остальные дворяне часто жили как обычные крестьяне и даже иногда ходили в лаптях.

⁴ Там же. С. 249; Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 312—314; Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 246.

⁵ Согласно единственной, но очень устаревшей статистике по дворянам, в 1820 г. из 365 дворян Олонецкой губернии 57 были родом из Петрозаводского уезда, 12 — Олонецкого уезда и 1 — Повенецкого уезда. Из этих 70 дворян в своих поместьях проживало 6. Исторические материалы о дворянах Олонецкой губернии. С. 247.

далеко не всегда экономические проблемы можно решить путем простой приватизации; решение экономических вопросов должно быть компликативным.

Леса крестьянских общин содержались значительно лучше, но их состояние тоже было далеко от идеала. Они должны были использоваться для собственных нужд крестьянских хозяйств, однако крестьяне не имели права свободно продавать свой лес. Земское издание писало: «...в отличие от прочих местностей, где крестьяне являются полными хозяевами своих лесов, олонецкие крестьяне имеют только условное право на лесные материалы из своего леса. Имея право брать для своих нужд — постройки, топливо — сколько требуется, имея право продать часть леса на сруб, они лишены права получения на руки вырученных от продажи леса денег. Деньги вносят в казначейство и могут быть получены оттуда крестьянами лишь в том случае, если на это даст согласие присутствие по крестьянским делам»¹.

Впрочем, во многих местностях ограничения оставались лишь на бумаге, и зачастую, особенно в Повенецком уезде, крестьянские общины отдавали свои самые лучшие леса лесопильным заводам по заниженным ценам, и там беспрепятственно производились сплошные рубки. Эта практика представляется особенно нерациональной, если учесть, что полученные деньги вряд ли использовались для модернизации экономики, как предусматривал закон, а расходовались для погашения задолженностей по платежам или для потребления².

Лучше всего охранялись, но в то же время и меньше всего использовались государственные леса. В результате они не давали казне серьезных доходов, при этом львиная доля от этих незначительных средств в Олонецкой губернии перечислялась земству. Главная проблема, таким образом, заключалась в том, что государство ничего не делало для организации системного и масштабного использования лесных богатств, хотя именно в его руках находились все необходимые для этого рычаги. По свидетельству многих авторов, частные лесопильные заводы получали от государства права на аренду лесов, при этом, однако, отсутствовала система отбора используемых пло-

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 307. См. также: *Окинчич Ф.* Крестьянские леса // ВОГЗ. 1913. № 17. С. 13–16; № 18. С. 10–12; № 19. С. 8–10. Деньги, полученные крестьянами за лес, расходовались, как правило, на уплату текущих сборов, погашение недоимок, выкупных платежей, покупку семян и продовольственного хлеба, общественную торговлю, устройство дорог, осушку болот и т. п.

² Особенно интересна в связи с этим вопросом работа *Ф. Окинчича* «Крестьянские леса» (см. выше). *Балагуров Я. А.* Указ. соч. С. 41 и далее; Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 247–251.

падаей, вложения в инновации были недостаточными, а организация труда плохой¹.

Результатом сложившейся ситуации стало медленное развитие лесного дела в Российской Карелии. Помимо описанной выше системы землепользования и малой активности государства в развитии лесодобычи, к причинам отставания лесной промышленности относились неразвитость транспортной системы, малые запасы рабочей силы — т. е. редконаселенность края, а также недостаток капиталов и слабая техническая вооруженность.

В 1913 г. на территории Олонецкой губернии действовало всего 18 лесопильных предприятий с 65 пилорамами, на них было произведено 386 тыс. кубм пиломатериалов², общая стоимость продукции предприятий лесной промышленности составляла 1,3 млн руб.³ Однако до уровня интенсивности и объемов Финляндии здесь было далеко: в Финляндии в 1910 г. было произведено 3,6 млн кубм лесопильной продукции на 123,4 млн марок, что составляло 47,5 млн руб.⁴ Причем, в отличие от Финляндии, лесное дело в Российской Карелии имело ярко выраженный сырьевой характер⁵.

Причиной интенсивного развития финской лесной промышленности являлась, прежде всего, система собственности на лес: в Финляндии большая часть лесных запасов страны в результате «большого передела» находилась в руках крестьян, которые были вольны использовать их по своему усмотрению. По сведениям 1911 г., из всей

¹ См., в частности: *Балагуров Я. А.* Указ. соч. С. 45. Согласно обнаруженному им архивному материалу, фабричный инспектор на этих основаниях подтвердил «печальную бесперспективность всего лесного хозяйства в Олонецкой губернии» в своем докладе в конце 1890-х гг. Плохая рабочая одежда, хибары для жилья, плохая еда и плохой инструмент во время зимних работ способствовали, кроме того, частым заболеваниям вальщиков леса и сплавщиков такими болезнями, как цинга, тиф, бронхит, плеврит и ревматизм. См.: Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 303—314; *Itä-Karjala ja Kuolan Lappi*. S. 246.

² История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 312.

³ Рассчитано по: Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 242—244.

⁴ *Корнилов Г. Д.* Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX — начале XX в. Л., 1971. С. 27.

⁵ Число лесобрабатывающих предприятий в Олонецкой губернии по статистике 1910 г. колебалось между 10 и 13 (Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 241), а в 1912 г. выражалось цифрой 18 (*Фаас В. В.* Леса северного района и их эксплуатация. С. 105). Почти все предприятия были лесопильными заводами, и только две фабрики вырабатывали древесный картон. Ср. со статистикой по Выборгской губернии Финляндии, где в 1905 г. было 85 лесопильных и деревообрабатывающих предприятий (см.: *Hämynen T.* Karjalan yhteiskunta ja talous 1800-luvun lopulta toiseen maailmansotaan // *Karjala*. Historia, kansa, kulttuuri. Toim. Nevalainen Pekka, Sihvo Hannes. Helsinki, 1998. S. 189).

лесной площади Финляндии¹ казенные леса составляли 35,1%, а остальная часть лесов находилась в частном владении. Капиталы, получаемые крестьянами за продажу своих лесов, вкладывались в модернизацию крестьянских хозяйств, наращивание экстенсивности их использования. Иными словами, именно лес в большой степени питал финское сельское хозяйство и, таким образом, стал важнейшим источником развития промышленности Финляндии.

Если лесная промышленность в Российской Карелии только зарождалась, то имевшая здесь давнюю традицию металлургическая промышленность к концу XIX — началу XX в. пришла в почти полный упадок. Мощная конкуренция со стороны Урала и Донбасса привела к закрытию мелких олонекских железорудных заводов, последний из которых вынужден был приостановить свое производство в 1907 г.² Характерна оценка, данная металлургической промышленности Олонецкой губернии в источнике 1910 г.: «Нам приходится писать о горнозаводской промышленности Олонецкого края в исключительно тяжелый период: строго говоря, таковой не существует в настоящее время. Все предприятия по добыче и переработке местных ископаемых, за исключением нескольких незначительных по добыче мела и красок, прекратили свое существование»³. Это было некоторым преувеличением — оставался казенный Александровский завод, а также несколько железоделательных предприятий, перерабатывавших привозной металлолом на простейшие инструменты⁴. Но даже крупный государственный Александровский завод переживал трудности. Весь описываемый период, вплоть до начала Первой мировой войны, завод, оснащенный устаревшим оборудованием и почти лишенный заказов, вынужден был бороться с опасностью закрытия, работая в убыток⁵.

Земцы, анализировавшие ситуацию, объясняли промышленный кризис несколькими причинами: низким качеством местной руды, трудностью добычи и доставки сырья, техническим несовершенством оборудования и, что крайне важно, отсутствием удобных путей сообщения. Это последнее обстоятельство было ключевым: никакое

¹ Приблизительно 13 млн 900 тыс. десятин (десятина равна 1,092 гектара, т. е. площадь лесов Финляндии составляла 15 млн 178 тыс. 800 гектаров).

² Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 38: «Карьеры полны воды, ценные заводские здания в упадке».

³ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 192.

⁴ Это были, например, в карельских районах железоделательные заводы Воронова на р. Мегреге и Куйтежский завод Куттуева (Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 223).

⁵ Балагуров Я. А. Указ. соч. С. 34—38.

промышленное развитие в Российской Карелии не было возможно при существовавшей неудовлетворительной транспортной сети. На этом фоне расцветающая промышленность Финляндии выглядела особенно выгодно. Целенаправленная политика индустриализации, толчком к которой послужило изменение промышленного законодательства (например, в 1861 г. сенат отменил запрет на создание паровых лесопильных заводов), а также введение собственной валюты и переход к золотому денежному обращению дали свои плоды – за десятилетие с 1889 по 1898 г. выплавка чугуна увеличилась в 1,8 раза, выделка железа – в 1,9, а производство стали – в 14 раз. С 1884 по 1906 г. производство гвоздей выросло в 4 раза, а мануфактурного железа – в 6 раз¹.

Если в индустрии Российской Карелии технологическое и инфраструктурное отставание было налицо, то еще более наглядным было отставание в области сельского хозяйства. Можно сказать, что на территории края существовал своего рода музей под открытым небом, посвященный истории финского сельского хозяйства. В то время как Финляндия уже переориентировалась с земледелия на товарное животноводство (экспорт масла из Финляндии с 1890 по 1913 г. вырос в 1,8 раза²), и здесь развивались мелиорация и травосеяние, к востоку от границы еще всюду занимались раскорчевкой лесов и работали орудием, а животноводство продолжало оставаться на примитивном уровне. Несмотря на впечатляющее поголовье крупного рогатого скота (количество коров в расчете на жителя в Олонии было в 1,8 раза выше, чем в Финляндии), масло производилось в небольших объемах и только для своих нужд, а сыра не изготавливали вовсе. Во всей дореволюционной Российской Карелии не было ни одного молокозавода (правда, к 1914 г. два находились в стадии строительства)³.

Губернатор Н. Д. Грязев в своем отчете за 1911 г. писал: «Казалось бы Олонецкая губерния при обилии земли, вполне пригодной под

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 223.

² Если в 1890 г. из Финляндии вывозили 7 194,815 кг масла, то к 1913 г. экспорт достиг 12 640 кг (*Grotenfelt G. Vanhanaikainen suomalainen maitotalous. Helsinki, 1916. S. 8*).

³ *Grotenfelt G. Op. cit. S. 212.* Автор отметил, что в Российской Карелии все еще часто используются все описанные им использовавшиеся в Финляндии в старину, неэкономичные методы производства и хранения молока. Технический уровень был еще ниже, чем в самых отсталых районах Финляндии. Почти аналогичный, хотя не настолько примитивный уровень он обнаружил в районах проживания так называемых лесных финнов на границе между Швецией и Норвегией. Возможно, слишком жесткие суждения Гротенфельта нельзя отнести ко всей Российской Карелии, так как в его материале преобладают данные по Повенецкому уезду.

культуру, должна была бы утопать в молоке и снабжать столицу массой молочных продуктов, как это делают соседняя Финляндия и Вологодская губерния; в действительности — наоборот, масло в Петрозаводск привозят из Петербурга, и это не в виде исключения, а постоянно»¹. Энергичное развитие сельского хозяйства в Финляндии привело к тому, что по благосостоянию финские крестьяне намного обогнали своих восточных соседей. Годовой доход в среднем финском хозяйстве также был вдвое выше, чем в олонечском: у среднего финна он в целом составлял 262 руб., у олончанина — 135 руб., а зажиточный финн был в три раза богаче зажиточного жителя Олонецкой губернии².

Вероятно, именно различия в сельскохозяйственных системах и были основной причиной, с одной стороны, экономического отставания Российской Карелии, а с другой — соответствующего подъема Финляндии в XIX в. Очень поздно экспортированная на Север из центральной и южной России система крестьянских общин оформилась там окончательно лишь в середине XIX в.³ Эта система, наряду со своими слабостями и социальными преимуществами, известными уже по опыту центральной России, имела чисто местный недостаток: население концентрировалось, в противоположность Финляндии, в более или менее крупных, компактных деревнях, которые возникали чаще всего на удобных для рыбной ловли местах. А плодородная земля, чаще всего в виде полос, находилась на большом удалении от деревень, так что ее возделывание, особенно в интенсивных формах, было крайне затруднительным и неэффективным. Поэтому легче всего было использовать части обширных лесных угодий для уже упомянутого подсечного земледелия, которое является самой экстенсивной формой сельского хозяйства. Кроме того, незначительное и ограниченное правами пользования лесовладение не позволяло аккумулировать капитал для модернизации сельского хозяйства по финскому образцу, даже если бы культурно-психологические и прочие обстоятельства и позволяли использовать для этих целей гипотетические доходы от продажи леса.

В результате в структуре доходов карельских крестьян сельское хозяйство, как правило, было отодвинуто на четвертое место после

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее — НА РК), ф. 1, оп. 66, д. 1/14, л. 2об.

² Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 419.

³ Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 187–240. Ср. также: *Ahtia E. Piirteitä Aunuksen ja Vienan Karjalan historiasta // Karjalan kirja. Karjalan maantiede ja historia. Toim. Härkönen Iivo. Porvoo, 1910. Osa I. S. 165–211.*

разносной торговли, рыбного промысла и охоты¹. При этом в особенно бедном Кемском уезде, даже в «зажиточных» семьях, регулярно ели горький и вредный для здоровья хлеб из древесной коры, в то время как в Финляндии этот хлеб (*hätäleipä, pettu*) употребляли в пищу лишь на самых отдаленных хуторах, в дремучих лесах общины Суо-муссалми, граничившей с Кемским уездом, и то исключительно в период осеннего и весеннего бездорожья². Собственный урожай, собранный на мелких общинных участках кемских карел, покрывал потребность в зерне лишь в течение одного–двух месяцев в году, а привозимый издалека хлеб был чрезвычайно дорог. Молочное хозяйство также было лишено условий для развития из-за недостатка хороших, доступных сенокосных лугов. Из-за плохого корма коровы большую часть года почти не доились. При этом в крае существовали благоприятные условия для развития кормовой основы животноводства – это были или расположенные далеко от жилья сенокосные луга, или болота, которые при осушении могли бы стать отличной кормовой базой³. Однако в молочном хозяйстве Российской Карелии экстенсивная форма оставалась более доступной для крестьян, чем интенсивная.

Для самых северных волостей Кемского уезда – Кандалакши, Оланги и Кестеньги – дополнительным и надежным источником доходов было оленеводство, которое, однако, по своей природе является консервативным и маловосприимчивым к модернизации видом деятельности. Здесь, на южной границе зоны оленеводства, можно было содержать лишь очень ограниченное число оленей, поэтому оно и не смогло стать основным источником доходов для крестьян⁴.

Российская Карелия не была в экономическом отношении однородным регионом. Если относившийся к Архангельской губернии

¹ *Ahtia E. Aunuksen elinkeinoista // Karjalan kirja. Toim. Iivo Härkönen. Porvoo, 1920. Osa II. S. 58–59.* Правда, Теодор Хомен выражает мнение, что торговля в разнос перестала занимать первое место в числе наиболее прибыльных промыслов (см.: *Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 235*). Хомен обосновывает это тем, что в результате конкуренции в начале 20 века торговля в разнос пришла в упадок, и одновременно приобрело большее значение морское рыболовство и несколько расширились масштабы сельского хозяйства. Однако он не мог дать четкого ответа на вопрос, что же теперь было главным источником дохода карел карельских районов Кемского уезда. Скорее всего, Ахтия, который сам бывал в Олонии, все-таки прав, в частности потому, что он понимал под торговлей не только торговлю в Финляндии.

² *Tietosanakirja. Osa. 3. Helsinki, 1911. S. 757–759.*

³ Теодор Хомен указывает на то, что восточнокарельские болота для сельского хозяйства были пригодны даже лучше, чем финские из-за более высокого содержания извести.

⁴ *Голубцов Н. Кемский уезд // Памятная книжка Архангельской губернии на 1912 год. Архангельск, 1912. С. 101; Архангельская Карелия. С. 28.*

Кемский уезд (Беломорская Карелия) являл собою безрадостную картину, то карельские районы Олонецкого уезда были экономически более развитыми, хотя и отнюдь не благополучными. Ситуация с сельским хозяйством здесь отличалась в лучшую сторону: если в Кемском уезде на крестьянский двор приходилось лишь 5 десятин полевых угодий и 0,5 десятины расчисток, то в Олонецкой Карелии на двор приходилось в среднем 7,2 десятины земли, используемой в хозяйственных целях (усадебная, постоянная и подсеčná пашня, сенокос)¹. Малоземелье усугублялось в Кемской Карелии неурегулированностью земельного вопроса. Если в Олонецкой губернии пореформенное межевание хоть поздно, но было проведено, то в Кемском уезде по указу 1870 г. выдача владенных записей была отложена на неопределенный срок. Отличалась и ситуация с подсечным земледелием: если в Кемском уезде оно было совершенно запрещено, то в обширных общинных лесах Олонецкой губернии разрешалось производить подсеки, причем при низкой плотности населения такой способ ведения хозяйства не обязательно приводил к перегрузке экосистемы.

Состояние молочного хозяйства у повенецких карел Олонецкой губернии также было хоть и ненамного, но лучше, чем в соседнем Кемском уезде, обладавшем аналогичными природными условиями. Энергичное повенецкое уездное земство прилагало здесь много сил к модернизации сельского хозяйства, но дело тормозилось трудными транспортными условиями и общей технологической и агрокультурной отсталостью. Например, на сельскохозяйственной выставке в Ребольской волости, отнюдь не самой бедной из всех, в 1913 г. с досадой отмечалось, что все крестьяне привезли на выставку свое масло в неочищенном состоянии, хотя в волости и имелась общественная центрифуга. Несмотря на просветительскую работу в области огородничества, лишь два или три крестьянина представили на эту выставку, кроме традиционного турнепса, и другие виды овощей².

Самые плодородные почвы во всей Российской Карелии были в Олонецком уезде, с его обширными, обжитыми еще с древних времен равнинами на северном побережье Ладожского озера. Благоприятное географическое положение региона, торговые связи с Петербургом и Финской Карелией могли бы стать реальной предпосылкой для осуществления здесь экономической модернизации. Но, как ни удиви-

¹ Подсчитано по: История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 249.

² *Фаворитский И.* Сельскохозяйственная выставка в селе Реболы Повенецкого уезда // ВОГЗ. 1913. № 21. С. 15–17.

тельно, модернизация обходила стороной и этот край. Сельское хозяйство здесь не могло полностью прокормить даже собственное население, не говоря уже о том, чтобы стать источником для аккумуляции капитала¹. Еще меньше успехов было в худшем по природным условиям, но лучше обеспечиваемом земством центральном Петрозаводском уезде, хотя в окрестностях Петрозаводска сумели пробиться некоторые ростки современного сельского хозяйства².

Слабость сельского хозяйства толкала крестьян на поиски побочных доходов и видов пропитания. В отличие от финских крестьян, карелы не могли прокормить себя исключительно земледелием и скотоводством. По статистическим данным за 1910 г., в структуре годового дохода финского крестьянина доходы от земледелия составляли 54 %, а доходы от скотоводства — 41,6 %. У олончанина (уже не говоря о жителе Беломорской Карелии) ситуация была принципиально иной — доходы от земледелия составляли 40,7 %, доходы от скотоводства — всего 10,7 %, но зато доходы от промыслов — 31,7 % всех его прибылей³. Таким образом, крестьянское производство не могло прокормить олонецкого (а тем более — кемского) крестьянина, ибо совокупный доход от земледелия и скотоводства составлял только половину доходной статьи его бюджета. В начале XX в. 95 % всех крестьянских семей Повенецкого уезда и 96,8 семей Петрозаводского уезда были так или иначе задействованы в побочных промыслах⁴.

Традиционными видами побочных промыслов населения в Российской Карелии были охота и рыбная ловля: обширные леса и болота, а также многочисленные озера и Белое море создавали наилучшие предпосылки для этих видов деятельности. Охота на медведей и волков позволяла уплачивать подушную подать, введенную земством. Кроме того, охота на этих диких животных способствовала улучшению животноводства, так как упомянутые многочисленные хищники, особенно на севере, часто задирали крестьянский скот. Однако к рубежу XIX и XX вв. доля охоты в занятиях населения неуклонно падала. Если в конце 1850-х — начале 1860-х гг. в Олонецкой губер-

¹ *Ahtia E. Aunuksen elinkeinoista. S. 59.*

² Там же. С. 59. Определенные рыночные успехи, наряду с собственным потреблением, были достигнуты в нескольких ограниченных районах Олонецкого уезда, а также на очень плодородном полуострове Заонежье, разделявшем Петрозаводский и Повенецкий уезды. В Олонце дело ограничивалось продажей овса, в то время как все другие сорта зерновых приходилось ввозить из центральной России. Из всего импорта Повенецкого, Петрозаводского и Олонецкого уездов доля ржи составляла даже 2/3 (*Itä-Karjala ja Kuolan Lappi. S. 213*).

³ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 418–419.

⁴ Там же. С. 409.

нии добывали ежегодно от 200 до 300 тыс. звериных шкур и не менее 1,4 млн штук дичи, то на рубеже XIX–XX вв. ежегодно добывалось лишь 125 тыс. шкур и 200 тыс. штук дичи. По Кемскому уезду обнаруживаем столь же характерные цифры – в середине XIX в. добывалось 30,7 тыс. штук шкур и 80 тыс. штук дичи, а в конце столетия соответственно 11,7 тыс. шкур и 74 тыс. штук. Уже в конце XIX в. олонецкий губернатор М. Д. Демидов констатировал, что охота как промысел «бесспорно находится на пути к окончательному упадку»¹.

С подобными же проблемами сталкивался и рыбный промысел. К началу XX в. роль рыболовства как статьи дохода уже не была существенной, по доходности оно занимало лишь девятое место в числе других крестьянских промыслов². Рыбные богатства края истощались вследствие хищнического способа добычи. Земские издания утверждали, что рыбный промысел, как и охота, «безусловно близится к полному упадку»³.

В результате роста населения и истощения поголовья дичи и запасов рыбы все большее значение приобретала мелкая торговля, чаще всего в форме торговли в разнос (коробейничество): на протяжении нескольких веков карелы Кемского уезда и нескольких северо-западных волостей Олонецкой губернии вели разносную торговлю на территории Финляндии, торгуя в разное время разными товарами, а также продавали закупленную в Финляндии продукцию в российских деревнях и городах. Правда, к концу XIX в. и здесь наблюдалась тенденция к ухудшению, с расширением сети магазинов рентабельность мелкой торговли постоянно снижалась. Кроме того, торговля в разнос в Финляндии, имевшая важное значение для кемских торговцев, была запрещена законом, что усилило полицейский контроль и вынуждало торговцев уходить во все более отдаленные окраинные районы Финляндии⁴.

¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 265.

² Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 407.

³ *Мардарьев Ив.* Почему в Олонецкой губернии стало меньше рыбы, дичи и зверья // *ВОГЗ.* 1914. № 3. С. 10–11.

⁴ О коробейничестве и его истории см.: *Joustela K.* Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla w. 1809–65. Historiallisia Tutkimuksia LXII. Lahti, 1963; *Naakka-Korhonen M., Keynäs M.* Halpa hinta, pitkä matka. Vienan-karjalainen laukkukauppa. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 491. Helsinki, 1988; *Hämynen T.* Raja ei erottanut – karjalaisen laukkukaupan monta vuosisataa // *Kainuussa ja Vienassa. Näkökulmia naapurusten elämään. Studia Carelica humanistica* 10. Joensuu, 1997. S. 55–75; *Bazegski D.* Vienan karjalaisten laukkukauppa. Venäjän ja Suomen kauppasuhteet 1800-luvulla ja 1900-luvun alussa // *Ibid.* S. 77–89; *Базегский Д. В.* Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998.

Самой яркой иллюстрацией той безысходной нищеты, в которой существовали кемские карелы, была участь карел-коробейников. Большинство молодых мужчин, проживавших к западу от линии Кондока — Кестеньга, в холодную часть года должны были уходить в Финляндию и торговать там в разнос. При этом они страдали от постоянных унижений со стороны финнов, которые чаще всего называли их русаками-мешочниками (*laukkuryssät*). Нередкими были угрозы и побои со стороны финских полицейских. После длительных переходов в чужой стране с тяжелым грузом в 30–40 кг, часто без возможности получить кров и в постоянной опасности быть ограбленными, они получали довольно скудные доходы. Все это делало промысел коробейников тяжелым испытанием.

Интересно, что карелы-коробейники чаще всего торговали товарами, приобретенными оптовыми продавцами, и очень мало продавали изделий местных кустарей. Трудно объяснить, почему кустарная промышленность у архангельских и повенецких карел была развита столь слабо. Очевидно, важную роль здесь играли сложности приобретения и доставки материалов: дорог в Кемской Карелии практически не было.

В отличие от карел Кемского уезда, их соплеменники из более южных районов и вепсы торговали собственными кустарными изделиями. Для них главной областью сбыта был Санкт-Петербург и его окрестности. В этом регионе они действовали как полноправные граждане страны, занимающиеся легальной деятельностью, и, несомненно, испытывали гораздо меньше неудобств, чем их северные собратья, торговавшие в Финляндии. Нам не известны случаи, когда южные карелы торговали бы в Финляндии, и причиной была, видимо, не только география: ведь юго-запад Олонецкого уезда, например, тоже мог быть идеальным плацдармом для торговли с Финляндией. Препятствием, скорее всего, наряду с запрещением торговли, было и сильное различие между финским языком и говором олончан. Язык кемских карел был, наоборот, весьма близок к финскому, а хорошее знание русского было здесь редкостью¹.

Как видим, хороших возможностей дополнительного заработка для российских карел было немного. В этой ситуации жизненно важной для них стала возможность получать рабочие места в быстро рас-

¹Голубцов Н. Указ. соч. С. 93.

ширявшихся с конца XIX в. предприятиях лесной промышленности. Именно эта отрасль могла спасти Российскую Карелию с ее быстро растущим населением от угрожающего края экономического коллапса. Однако и лесная промышленность не могла быстро развиваться из-за транспортных проблем, и олонецкое земство справедливо определяло именно эти проблемы как самые насущные и неотложные для развития губернии¹.

До Первой мировой войны в Российской Карелии не было железной дороги, а число грунтовых дорог было весьма ограниченным. Решение о строительстве давно запланированной железнодорожной линии Петербург – Петрозаводск – Мурманск было принято только после начала Первой мировой войны и диктовалось оно не экономическими, а стратегическими задачами. С помощью французского капитала и благодаря труду многочисленных пленных удалось менее чем за три года построить железную дорогу от Петербурга до Мурманска, которая означала для экономики Карелии открытие новой эры. Но когда в декабре 1916 г. дорога была пущена в эксплуатацию, ее заказчик – имперские власти – находились в агонии².

В отличие от Российской Карелии, Финляндия со второй половины XIX в. активно развивала свою дорожную и прежде всего – железнодорожную сеть. Уже начиная с 1870-х гг. действовала железнодорожная линия из Риихимяки в Петербург через Коуволу и Выборг (она была продолжена от Риихимяки до Хельсинки). К 1894 г. была протянута ветка в Северную Карелию, сначала до Сортавалы и Йёэнсуу, а к 1911 г. дорога была доведена до более северного Нурмес³. Разветвленная дорожная сеть сыграла огромную роль в развитии экономики страны.

Политико-экономическое управление Карелией

Мы уже упоминали, что экономическая ситуация в карельских районах Олонецкой губернии была значительно лучше, чем в Беломорской Карелии. Основной причиной этого отличия было отсутствие земства в Архангельской губернии. Пример соседних губерний,

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 427.

² Балагуров Я. А. Указ. соч. С. 43–46. Ср. также: *Nachtigal R.* Die Murmanbahn: Die Verkehrsanbindung eines Kriegswichtigen Hafens und das Arbeitspotential der Kriegsgefangenen. Grunbach, 2001.

³ См.: *Hämynen T.* Karjalan yhteiskunta ja talous... S. 184.

³ Там же.

таких, как Олонецкая и Вологодская, показал, что руководимое местной интеллигенцией земство сумело сделать очень много и без участия дворянства или крупной буржуазии¹. Местные государственные деятели, такие, как губернаторы Архангельской губернии А. П. Энгельгардт и его преемник И. В. Сосновский, понимали это и активно выступали за введение земства в своей губернии. Однако как в 1898—1899, так и в 1908 гг., когда губернаторы доводили свои предложения о введении земства до самых верхов, реформа наталкивалась на противодействие Государственного совета².

Государственный совет выдвигал такие аргументы, как низкая плотность населения края, его якобы низкий культурный уровень, а также почти полное отсутствие здесь дворянства и частных землевладельцев³. В результате край был лишен деятельных и компетентных органов самоуправления, которые могли бы двинуть вперед экономику и гуманитарную ситуацию. С особой горечью писал о безвыходном положении Архангельского Севера А. П. Энгельгардт, совершивший множество поездок по территории губернии: «При первом, даже лишь поверхностном, знакомстве с местными условиями и нуждами Русского Севера, составляющего Архангельскую губернию и обнимающего огромное пространство от границ Норвегии до Тобольской губернии вдоль берегов Северного океана и Белого моря, нельзя не заметить, что экономическая и промышленная жизнь этого обширного края находится в полном застое и как бы в летаргическом сне. Между тем, по своему географическому положению и своим естественным богатствам, край этот обладает всеми данными, чтобы не только развить и упрочить благосостояние местного населения, но служить на пользу всего государства»⁴.

Губернатор И. В. Сосновский с горечью отмечал в своем отчете, что без земства «все местное хозяйство ведется устарелыми административными учреждениями — губернским и уездным распорядительным комитетами и приказом общественного призрения с больничны-

¹ Сафонов М. Земство на Севере // ИАОИРС. 1911. № 16. С. 329—337; Иванов А. Север и земство // ИАОИРС. 1913. № 5. С. 674—690, 721—738. Особенно высокий уровень Олонецкого земства отмечал также видный деятель Карельского просветительского общества (Karjalan sivistysseura — KSS) В. Кейняс: *Keinäsen W. Venäläistä kirkko- ja koulupolitiikkaa Itä-Karjalassa* // Karjalan historiaa. Historian ystäväin liitto. Historian aitta VIII. Jyväskylä, 1938. S. 77—88. Об Олонецком земстве в целом см.: Бузин В. История Олонецкого земства. Часть 1. Петрозаводск, 1917.

² Иванов А. Указ. соч. С. 721—724; Петров М. Вопрос об Архангельском земстве в законодательных палатах // ИАОИРС. 1913. № 5. С. 291—304.

³ Иванов А. Указ. соч. С. 724.

⁴ Энгельгардт А. П. Русский Север: Путевые записки. СПб., 1897. С. 1.

ми советами»¹. Без земства власти Архангельской губернии были не в состоянии справиться с тем обилием проблем, которые скопились в Кемском уезде. Архангельская губерния по площади была самой большой в Европейской России, и регион, населенный карелами, располагался на ее западной периферии. Карелы составляли лишь пять процентов всего населения губернии², и естественно, что у губернских властей не доходили руки до этого отдаленного уголка.

Значительно лучше обстояло дело в Олонецкой губернии с его энергичным, работоспособным земством, которое занималось образованием, здравоохранением, помощью сельскому хозяйству, дорожным делом, статистикой, благотворительностью и еще целым рядом важнейших дел и во всех этих областях жизни добивалось больших или меньших сдвигов. Проехавший в 1913 г. почти всю Карелию учитель М. И. Бубновский констатировал: «В настоящее время Олонецкая Карелия, благодаря земству, имеет хорошие трактовые и проселочные дороги, больницы, фельдшерские, акушерские и ветеринарные пункты, много благоустроенных школ, агронома и т. п., одним словом, Олонецкая Карелия развивается и процветает, между тем Архангельская Карелия находится в том же болотном состоянии, что и в седую старину»³. Приведем несколько примеров. Если в карельских районах Олонецкой губернии лишенными дорог оказалось в среднем 55 % всех селений, то в Кемской Карелии потребность края в дорогах была удовлетворена лишь на 12 %. «За исключением северного участка устроенной в 1879 году Олонецким земством грунтовой почтовой дороги с города Повенца на посад Суму, в Кемском уезде до 1908 года не было никаких других колесных летних трактов», — констатировало местное издание⁴.

В населенных карелами уездах Олонецкой губернии (Петрозаводском, Повенецком и Олонецком) в 1907 г. одна школа приходилась на 506 жителей, а в карельских волостях Кемского уезда одна школа обслуживала почти вдвое больше — 964 человек. В карельских районах Олонецкой губернии один фельдшерский пункт приходился в среднем на 2300 человек, а в Кемской Карелии на весь край с населением в 25 тыс. чел. имелось только три фельдшера и две повивальные бабки. Единственная вакансия врача Кемского уезда годами оставалась незаполненной.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1284, оп. 194, 1909, д. 82, л. 23.

² В Архангельской губернии в 1913 г. проживало всего 483 500 чел., число карел было чуть больше 25 тыс.

³ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // ИАОИРС. 1914. № 13. С. 402.

⁴ Архангельская Карелия. С. 40.

Однако даже у олонекского земского самоуправления нередко опускались руки, ибо неповоротливая экономическая система, отставание в области поземельных отношений, мелочная государственная опека, а также инерция отставания тормозили многие его начинания. В упоминавшемся уже земском издании 1910 г. с горечью отмечалось: «На всей губернии лежит отпечаток какой-то заброшенности, безжизненности. Особенно резко это выступает в пограничных с Финляндией местах. Переехали вы границу и вы точно переселились куда-то далеко, в другую страну. Вместо бесконечных необитаемых лесных пространств, среди которых там и сям разбросаны людские поселения, вы видите обработанные поля, постройки хуторов, а кое-где и заводскую трубу. Вы едете по хорошей грунтовой, а иногда и шоссированной дороге, к вашим услугам почти повсюду имеется телефон <...> Несколько десятков верст вглубь страны и вы пересекаете железную дорогу <...> Ладожское озеро, которое в пределах Олонецкой губернии поражает своей безжизненностью, имеет совсем другой вид в пределах Финляндии — оно живет бойкой жизнью...»¹.

Реальное и возможное влияние Финляндии на экономику Карелии

В предыдущей части статьи мы показали, как во второй половине XIX — начале XX в. оформились и углубились различия между уровнем социально-экономического развития Финляндии и Российской Карелии. Активно модернизовавшаяся экономика Финляндии все более опережала в развитии соседний регион, и причиной этого прежде всего следует считать различие в социально-экономических стратегиях властей. В Российской Карелии, тем не менее, была возможность развития экономики и шанс наверстать упущенное при помощи соседней Финляндии, используя исходившие от нее модернизационные импульсы. Влияние Финляндии на экономику приграничных районов Российской Карелии усиливалось с ростом финского экономического потенциала и стало особенно заметным в западной, приграничной части региона. Именно здесь, в Кемском уезде Архангельской губернии и прилегающих к границе волостях Олонецкой Карелии, «силовое поле» Финляндии вовлекало хозяйство карел в свою орбиту. Это проявлялось и в активизации торговых связей с Финляндией: жителям приграничных районов было намного выгоднее и дешевле приобретать продукты и товары первой необходимости

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 424.

в соседних финских селах, чем везти их за десятки верст по негодным дорогам из российских торговых центров. Министерство финансов сообщало: «...согласно уведомлению олонекского губернатора, карельское население <...> поставлено, ввиду отсутствия удобных путей сообщения, в полную экономическую зависимость от Финляндии»¹.

Лесная промышленность Финляндии медленно, но верно распространялась и на карельские территории, принося выгоду обеим сторонам. Финляндия стала к началу XX в. одним из главных импортеров олонекского леса. Примером выгодной для карел экономической кооперации с Финляндией стала приграничная Ребольская волость, единственная из всех карельских волостей, связанная с Финляндией непосредственными водными путями. Здесь лесной промысел давал стабильную и хорошо оплачиваемую работу местным крестьянам: они получали приблизительно в два раза больше, чем российские, действовавшие в других частях олонекского края². Этот пример наглядно показывал, насколько полезной могла быть хозяйственная кооперация с Финляндской Карелией. Однако такая перспектива наталкивалась на нежелание и сопротивление как местных, так в еще большей степени и общероссийских властей.

Лишь Олонекское губернское земство, имевшее дело с конкретной ситуацией на местах, избежало этого странного ослепления. Активно занимаясь развитием сельского хозяйства, оно понимало, насколько важен пример финского хозяйствования, и часто ссылалось на него³. Российская Карелия была слабо заселена, и земство понимало необходимость широкой колонизации края. По его мнению, все попытки развить экономику края были обречены на крах до тех пор, пока здесь не возникнет достаточно густая дорожная сеть. В свою очередь, обеспечить финансирование и в дальнейшем рентабельность этому проекту было невозможно при существовавшей низкой плотности населения⁴.

Очевидно, некоторые земцы понимали, что источником колонизационного потока могла бы стать именно Финляндия, однако эти соображения не афишировались. Так, например, в уже упомянутом

¹ Мероприятия, предпринятые Олонекским губернатором... // НА РК, ф. 1, оп. 1, д. 106/61, л. 128.

² Рабочие на лесных и сплавных работах получали от 1,3 до 1,65 рубля в день (Жуков Ю. А., Корблев Н. А., Макуров В. Г., Пулькин М. В. Ребольский край. Исторический очерк. Петрозаводск, 1999. С. 12).

³ ВОГЗ. 1907. № 18. С. 16–18; Известия Общества изучения Олонекской губернии. 1913. № 1. С. 83; Доклады Олонекской губернской земской управы Губернскому земскому Собранию сессии чрезвычайной 10 августа и 43 очередной сессии 4–20 декабря 1914 г. Петрозаводск, 1915. С. 178.

⁴ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонекского края. С. 428.

земском издании 1910 г. подробно описывалась отсталость Олонецкой губернии по сравнению с Финляндией. После этого вступления шел пассаж о необходимости колонизации, в котором неожиданно предлагались в качестве новопоселенцев эстонцы и латыши как хорошо подходящие к северным климатическим условиям¹. Как нам представляется, здесь в завуалированной форме имеются в виду скорее финны: ведь они, естественно, еще лучше подходят для климатических условий Российской Карелии, чем эстонцы и латыши. Кроме того, закономерен вопрос, что же должно было привлечь эстонцев и латышей в необжитую и чужую Российскую Карелию, если они уже нашли в соседних губерниях достаточно запустевших лесных земель? И, напротив, в Финляндии в начале XX столетия имело место высокое, взрывоопасное в социальном отношении (в 1918 г. этот взрыв в форме гражданской войны фактически произошел) сельское перенаселение. Небольшая часть финских крестьян уже была вынуждена к тому времени переселиться в Америку².

Однако в начале XX в., в обстановке активного противостояния властей «панфинскому и лютеранскому походу финляндцев в Российскую Карелию», как писали в тогдашней правой прессе³, идея о переселении сюда финнов совсем не была популярна, и поэтому автор упомянутой статьи не осмелился высказать ее открыто. В описываемый период российские власти демонстрировали, напротив, стремление ограничить финское влияние в Карелии. Наиболее показательным нам кажется финско-российское противостояние в области транспортной политики, которое приводило к искусственной изоляции карельских районов от Финляндии. Положение с дорогами в карельских районах было намного хуже, чем в русских⁴, причем

¹ Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 425.

² *Haataja K.* Geschichtliche Grundzüge des finnischen Bodenrechts // Festschrift Justus Wilhelm Hedemann zum sechzigsten Geburtstag am 24. April 1938. Jena, 1938. S. 224. В книге сообщается, что в 1901 г. в финском селе было 207 тыс. семей без какого-либо занятия по сравнению с 260 тыс. сельскохозяйственных собственных или арендных предприятий. Вообще 1900–1914 гг. явились пиком переселения во всей финской истории, при этом ежегодно переселялось за границу, в преобладающем большинстве случаев в Северную Америку, в среднем 15 тыс. человек. См.: *Otavan iso tietosanakirja.* Encyclopaedia Fennica. Osa 7. Helsinki, 1964. S. 1395.

В начале 30-х гг. правительству Советской Карелии удалось побудить более 6 тыс. финских переселенцев в Северной Америке к новому переселению в Российскую Карелию.

³ См. об этом: *Витухновская М.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006.

⁴ Приведем статистику по уездам, населенным карелами: в Повенецком уезде из 402 селений было лишено дорог 252, или 62,9 %, в Петрозаводском — 370 из 636, или 58,1 %, а в Олонецком уезде на 534 селения приходилось 229, или 43,7 %, бездорожных (см.: Материалы по статистико-экономическому описанию Олонецкого края. С. 143).

бездорожье усиливалось именно в пограничных с Финляндией районах. Разветвленная финская железнодорожная сеть уже к началу XX в. дотягивалась почти до границы с Российской Карелией, однако встречного движения со стороны России не было, хотя соединение с финской дорожной сетью сильно облегчило бы жизнь приграничных карел.

Известны случаи, когда именно с целью изоляции карел от Финляндии российская власть отказывалась от дорожных проектов. Так, когда повенецкое земство в 1910 г. обратилось к олонецкому губернскому земству с просьбой выделить кредит в 200 рублей на окончание постройки дороги от села Лендеры до границы с Финляндией, губернская земская управа ответила отказом. Председатель управы Н. А. Ратьков заявил, что, «хотя дорога от Лендер к Финляндии с экономической точки зрения и может быть полезна для крестьян, но нужно иметь в виду и общегосударственные интересы, в особенности при тех отношениях Финляндии к России, которые имеют место в последнее время». Конечно же, и Ратьков, и председатель собрания выразили уверенность, что экономические интересы карел «должны быть подчинены интересам государственным», и 200 рублей на постройку дороги не было выделено.

Если бы российская власть на самом деле, как она и декларировала, относилась к Финляндии как к одному из рядовых регионов империи, описанные попытки изоляции карел не имели бы никакого смысла. Напротив, вызовы модернизации требовали создания разветвленной транспортной сети, соединения дорогами всех самых отдаленных районов. Описанные явления отражали страх перед финским влиянием и, таким образом, выявляли отношение к Великому княжеству как к некоему чужеродному телу в империи. Финская политика, проводимая в годы правления Николая II, была направлена на уничтожение автономного статуса Финляндии, но не отличалась последовательностью: например, была сохранена таможенная граница — главным образом, видимо, из-за опасения конкуренции для петербургских промышленных предприятий, а также собственно финская валюта и гражданство. Следствием подобной политики стало ухудшение отношений между Великим княжеством и метрополией, а традиционно сильная харизма царя в Финляндии поблекла. При этом Россия не достигла заметных военных или экономических преимуществ.

В этой новой парадигме российско-финских отношений крылась причина описанной нами политики, при которой империя почти шизофренически пыталась отделить одну свою часть от другой, несмотря на значительные потери для экономики и благосостояния подданных.

Финско-карельская трагикомедия показывает, что ответственные за принятие решений лица в центральных властных структурах, осознанно или неосознанно, в определенной степени списали Финляндию со счетов, смирились со своей будущей потерей и, как следствие, стремились «спасти», по крайней мере, Российскую Карелию. Эта политика в отношении к Карелии была и неудачной, и контрпродуктивной, ибо лишала этот регион возможности воспользоваться плодами стремительного экономического развития финской автономии. Следование этим гибельным курсом привело к тому, что экономическое будущее Российской Карелии было принесено в жертву прямолинейно и односторонне понятым русским национальным идеям. Экономически отсталый край, который мог бы получить помощь и стимул к экономическому рывку от западного соседа, был отгорожен от него «китайской стеной».

И все же имперская власть в Российской Карелии пришла к концу. Причиной ее краха стали не описанные нами просчеты и ошибки, а цепь роковых событий в центре страны. Карельская ситуация оставалась достаточно стабильной до самого конца. Выкристаллизовавшаяся после нескольких смутных лет новая система господства Советов (в период НЭПа) во всех важных сферах не уступала или даже превосходила уровень имперского периода. Однако в сталинское время программа великорусской унификации Российской Карелии была осуществлена вновь, но уже не так медленно и не с тем человеческим, хотя и довольно наивным, лицом, как ранее, а железной волей и принесенными в жертву тысячами человеческих жизней.